

УДК 94 (516)

**О КОНТРМЕРАХ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ТУРКЕСТАНА
ПРОТИВ УЧРЕЖДЕНИЯ ЦАРСКОЙ “ОХРАНКИ” В РЕГИОНЕ**

П.П. Литвинов

Рассматриваются меры, предпринятые военной администрацией Туркестана против учреждения царской “охранки” в этом регионе.

Ключевые слова: Туркестан; Департамент полиции МВД; военная администрация; “охранка”; Главный штаб; “план Мищенко”.

**ABOUT COUNTER-MEASURES OF TURKESTAN MILITARY ADMINISTRATION AGAINST
ESTABLISHMENT OF TSARIST “OKHRANKA” IN THE REGION**

P.P. Litvinov

The article regards the measures undertaken by Turkestan military authorities against establishment of tsarist “Okhranka” in this region.

Keywords: Turkestan; the Police Department under the Ministry of Internal Affairs; military administration; “Okhranka”; the General Headquarters; “Mishchenko plan”.

Образование Туркестанского Районного охранного отделения (ТРОО), на наш взгляд, было нелишней и полезной инновацией в “полицейской” жизни Средней Азии. Уже в 1908 г. ТРОО во главе с Квицинским сумело показать себя реально действующим органом. Поскольку “приложение” к статье 161-й “Туркестанского положения” 1886 г. возлагало на “военную” полицию края и функции жандармского характера, то краевой военной администрации надо было искать пути взаимодействия между органами Департамента полиции (ДП) МВД и “военной” полицией края в деле его практической реализации [1, с. 257]. Вместе с тем военные власти Русского Туркестана, более сорока лет имевшие дело с местным мусульманским населением, проявлениями эндогенных процессов в его среде, а равно и иными событиями, явлениями и обстоятельствами в жизни приверженцев религии Пророка в крае, изначально понимали, что органы ДП МВД, привыкшие преимущественно бороться с революционными и вообще антиправительственными силами в самой России (особенно в европейской ее части), смогут работать в среде русскоязычного населения края по выявлению и пресечению действий таких сил, но осуществлять надзорные функции за “движениями” в мусульманских массах региона, эффективно бороться

с ними должным образом они вряд ли сумеют. Поэтому туркестанская администрация изначально стала обращаться в военное министерство с проектами усиления политического надзора за мусульманским населением средствами “военной” полиции и придания ей для этого новых соответствующих функций и подразделений.

Это обстоятельство побудило туркестанского генерал-губернатора П.И. Мищенко 14 марта 1909 г., незадолго до своего увольнения с должности, направить военному министру проект устройства “организации внутренней разведки” в крае, которая занималась бы политическим надзором именно за “туземным” населением, предоставив ТРОО работать среди “пришлого” (русскоязычного) населения. Проект был подготовлен краевой Канцелярией. Мищенко писал в проекте: “Ввиду того, что начальник местного Охранного отделения завален работой и к тому же он не ориенталист, не в состоянии непосредственно выслушивать или прочитывать доклады и донесения разведчиков (которые, несомненно, будут туземцы), то ему необходимо иметь для этой цели особого помощника с ориентальным образованием, хорошо к тому же знающего турецкие (тюркские. – П.Л.) и персидские наречия <...> Для этого может быть откомандирован в Охранное отделение чиновник

для усиления личного состава Главного Управления Туркестанского края с окладом не менее 2000 рублей в год”. Туркестанский генерал-губернатор отмечал, что это немного и потому ему надо прибавить 1000 руб. в год на “вспомогательные работы” [2, л. 21 об.]. При этом Мищенко подчеркивал, что “начальник Туркестанского Районного Охранного отделения должен одновременно направлять донесения в Министерство внутренних дел и в Военное министерство” [2, л. 22].

Направление таких донесений туркестанскому генерал-губернатору считалось само собой разумеющимся. Интригующий замысел военной администрации Туркестанского края в данном случае был более чем очевиден. Внедрив своего “чиновника” в штат ТРОО, она могла получать от него фактически все сведения о работе “охранки”, ибо именно он должен был читать все донесения. Мищенко указывал, что “организация внутренней разведки” должна состоять исключительно из “туземных” агентов, которым надо платить не по ровну, а в зависимости от качества их работы – например, платить хорошему, старательному агенту по 75 руб., тогда как лентяем – 30 руб. и менее. При этом он конкретизировал, что в среднем на каждого агента надо будет выделять по 600 руб. в год, а поскольку “внутренних разведчиков” будет 18 человек, то в год на их содержание потребуются 10 800 рублей. Генерал-губернатор достаточно дальновидно и со знанием дела распределил агентов “организации внутренней разведки” по Туркестанскому краю, включая и русские поселения в Бухарском ханстве [3, с. 521].

В соответствующей литературе об этом проекте почти неизвестно, хотя о нем иногда вспоминали как о некоем “плане Мищенко”. Думается, что с этим названием трудно спорить, несмотря на то, что, по нашему глубокому убеждению, его составил не сам Мищенко и даже не ловкий мздоимец, управляющий краевой Канцелярией полковник В. А. Мустафин, а, скорее всего, он “вырос” в Штабе Туркестанского военного округа (ТуркВО) и был лишь “отшлифован” чиновниками краевой Канцелярии. Все это надо “держат в уме” и, поскольку у нас традиционно все документы персонифицируются под “первое лицо”, то вряд ли есть основания привередничать и в отношении “плана Мищенко”. Об этом “плане”, кстати, упоминал в отчете о “ревизии” Туркестанского края в 1908–1909 гг. сенатор К.К. Пален. Он уточнял, что “план Мищенко” был направлен не только военному министру, но в копии – министру внутренних дел и Председателю Совета министров Столыпину. Писал он немного и о “туземных” агентах, но указывал, что все они должны были подчиняться Начальнику ТРОО [4,

с. 94]. У нас это вызывает сомнение, поскольку об этом, как указывалось, Мищенко ничего не писал. Но даже простая логика подсказывает, что если бы его план предусматривал такое подчинение “туземных” агентов, то стоило бы тогда военной администрации Туркестанского края по этому поводу, образно говоря, “город городить”? Полагаем, что нет. И потом, Пален в своем отчете тут же сам себе противоречит, указывая, что “план Мищенко” предусматривал создание при Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (КТГГ) “особого отделения по туземным делам”, в котором бы работали “классные” (по гражданскому чиновничеству) специалисты-ориенталисты, хорошо знающие ислам, шариат, обычаи и нравы мусульман, качественно обрабатывающие поступающую информацию от агентов о положении дел в самом Туркестане, а также в Британской Индии, Афганистане, Персии, Бухарском и Хивинском ханствах [4, с. 94].

Таким образом, все должно было сосредотачиваться не в ТРОО, а в краевой Канцелярии. Туркестанский генерал-губернатор Самсонов сразу же после вступления в должность вместо Мищенко (весной 1909 г.) проявил большой интерес к “плану” своего предшественника. 8 августа 1909 г. он писал военному министру о том, что в Туркестанском крае и среди русских, и среди мусульман идет “глубокое брожение”, отчего “страдают” также Бухарское и Хивинское ханства, а потому надо обратить внимание на “план Мищенко” и усилить общий полицейский надзор за состоянием умов местного мусульманства [5]. Позже во “Всепопданнейшем” отчете о положении Туркестанского края в 1909 г. Самсонов писал, что “план Мищенко” предложен своевременно, для того чтобы “пробуждение местных мусульман не застало нас здесь врасплох” [6, с. 14]. Самсонов уточнял, что “в отношении постановки разведки в среде туземного населения необходимы особые тайные агенты, обязанные доносить о различных наиболее выдающихся проявлениях интеллектуальной и духовной жизни туземцев”.

При этом он тоже писал о необходимости создания “особого отделения по туземным делам” при краевой Канцелярии (а не при ТРОО) для высокопрофессиональной обработки поступающей от агентов разнообразной информации о положении среди “туземцев”-мусульман в Туркестанском крае, а также в сопредельных странах. О том, чтобы агенты подчинялись ТРОО, он, естественно, не упоминал и, по нашему убеждению, не мог упомянуть. Зато “Всепопданнейший” доклад Самсонова содержал новацию по сравнению с “планом Мищенко” – генерал от кавалерии указывал, что на содержание “туземной” агентуры потребуется “около 20 тыс.

рублей в год” [6]. Замечание Самсонова о 20 тыс. руб. можно было бы отнести к разряду “прикидок” в плане превентивных соображений по поводу организации “туземного сыска” в Туркестанском крае. Но это было не так. Документы свидетельствуют о том, что еще до представления “Всепоподданнейшего” доклада о положении в крае в 1909 г. (это произошло в 1910 г.) генерал-губернатор, после прихода к власти, стал не только оценивать “план Мищенко”, но и развивать его в сторону практической реализации. 3 октября 1909 г. Самсонов направил военному министру доклад под грифом “секретно”, в котором отмечал, что на фоне роста антиправительственных настроений как среди “пришлого”, так и “туземного” населения нужно усиливать борьбу с такого рода проявлениями. Генерал-губернатор писал о том, что организация в крае ТРОО, со штатом всего в четыре жандармских офицера и незначительным числом филеров, розыскных пунктов МВД в Асхабаде и Верном в 1909 г., с еще меньшим числом сотрудников, которые только начали организовывать свою работу, не может преломить опасные тенденции в крае, а потому для эффективного противостояния им в умонастроениях населения необходимо принимать дополнительные меры. Таким образом, Самсонов фактически утверждал о том же, что он излагал в рапорте военному министру 8 августа того же года.

Туркестанский генерал-губернатор указывал, что даже при наличии “Охранного отделения” в крае здесь фактически нет действительного организованного жандармского надзора. “Совмещение же функций Охранной и Жандармской организаций, за отсутствием последней в Туркестанском крае, – писал Самсонов, – ведет к тому, что производящиеся чинами местных розыскных учреждений переписки по охране, по исследованию противоправительственной деятельности разных лиц, по окончании таковых, передаются в распоряжение прокурорского надзора для производства предварительных следствий через судебных следователей и лишь в очень редких случаях и притом по самым маловажным делам производится дознания в порядке 1035 ст[атьи] Уст[ава] Угол[овного] Суд[опроизводства] через чинов жандармских полицейских управлений железных дорог” [7, л. 1 об.–2]. Самсонов констатировал, что такой порядок деятельности политического розыска в Туркестанском крае неудовлетворителен. В связи с этим он писал о “необходимости учреждения Туркестанского жандармского управления по типу губернских жандармских управлений Европейской России”. Самсонов предлагал конкретный проект штатов такого управления в крае [3, с. 521–526].

Было бы ошибочным полагать, что он был новатором в этом вопросе, поскольку еще на пере-

говорной стадии между МВД и военным министерством об учреждении органов политического розыска в Туркестанском крае генерал-губернатор Н.И. Гродеков выступал с такой же идеей, которая, однако, не была реализована.

Планы туркестанского генерал-губернатора поддержал прокурор Ташкентской судебной палаты. Но при этом он включил в проект следующие условия: 1) чтобы Туркестанское жандармское управление было единым на весь край и не имело областных учреждений, вместо которых там, где не было розыскных пунктов МВД (Асхабад и Верный), существовали бы так называемые “офицерские посты” в крупных населенных пунктах (Самарканд, Скобелев, Коканд, Мерв, Чарджуй и др.); 2) краевое жандармское управление должно было вобрать в себя в той или иной форме ТРОО, поскольку, по мнению прокурора, их раздельное, самостоятельное существование не принесло бы никаких положительных результатов в борьбе с революционной и панисламистской опасностью в Средней Азии.

В секретном докладе военному министру Самсонов одобрял мнение прокурора Ташкентской судебной палаты, особенно в части подчинения ТРОО и розыскных пунктов МВД Туркестанскому краевому жандармскому управлению, что должно было объединить в один кулак весь политический розыск в регионе и принести успешные плоды. Генерал-губернатор предлагал незамедлительно приступить к организации предлагаемого им учреждения, так как, при слабости политического надзора в Туркестане, революционная и исламистская активность в регионе будет только нарастать, в том числе и в среднеазиатских ханствах – Бухарском и Хивинском.

Военный министр В.А. Сухомлинов написал на докладе туркестанского генерал-губернатора резолюцию: “Главный штаб. Сношение с М. [инистром] Вн.[утренних] Д.[ел]. 13/10” [7, л. 1]. Главный штаб направил копию доклада лично министру внутренних дел Столыпину, так как документ был секретным. Одновременно Азиатская часть Главного штаба направила копию доклада в Управление генерал-квартирмейстера, ведавшего, кроме всего прочего, вопросами разведки и всем ей сопутствующим. 30 января 1910 г. Управление писало в Главный штаб о том, что проект туркестанского генерал-губернатора сам по себе неплох, но его реализация потребует значительных “денежных выплат”, которые не могут быть сделаны в ближайшее время по причине необходимости осуществления других важных расходов. Но любопытным было то, что, по мнению Управления генерал-квартирмейстера, независимо даже от финан-

совых затрат “сама форма проектируемого штата отличается от формы существующих штатов жандармских управлений и <...> является совершенно неудобоприменимой” [7, л. 11].

В тот же день, 30 января 1910 г., начальник Главного штаба генерал Н.Г. Кондратьев направил копию заключения Управления генерал-квартирмейстера для ознакомления Самсонову. В сопроводительном письме он указывал, что предлагаемая краевой администрацией форма учреждения Туркестанского жандармского управления, “по мнению Главного штаба, является совершенно неудобоприменимой” [7, л. 12]. Кондратьев просил Самсонова сообщить свое мнение по этому поводу.

Однако Самсонов не спешил с ответом. Он знал, что глава МВД и правительства Столыпин встретил его проект “в штыки” и заявил, что он не допустит никакого слияния органов ДП МВД в Туркестане с проектируемым краевым жандармским управлением. И это была совершенно естественная, на наш взгляд, реакция российского “премьера” и руководителя МВД. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять то, чего добивался своим проектом главный туркестанский администратор. Учреждение Туркестанского краевого жандармского управления, поглощающего ТРОО с его розыскными пунктами, ставило его в подчинение военному ведомству, глава которого на подвластных ему территориях, по закону, пользовался всеми правами министра внутренних дел, тем более что военный министр, к тому же, был и “строевым” командиром Отдельного корпуса жандармов, определявшим, в частности, и его штаты, обсуждавшиеся в Военном совете министерства, а не в Совете МВД. Кстати, и формирование штатов жандармско-полицейских управлений железных дорог России шло через “Высочайшие” указы, но объявляемые в приказах все того же военного министра [8]. Реализация проекта Самсонова, безусловно, ликвидировала бы “на корню” всю систему органов МВД, учрежденных на “чужой” (военного министерства) территории. Естественно, что глава МВД и председатель Совета министров Столыпин не мог этого допустить. Поэтому туркестанский генерал-губернатор Самсонов, поняв бесперспективность “затеи”, вынужден был отступить.

Через девять месяцев, 1 ноября 1910 г., начальник Азиатской части Главного штаба генерал-майор Цейль направил письмо в КТГГ и просил прислать отзыв Самсонова на письмо начальника Главного штаба от 30 января того же года. Но ответа не последовало. 11 февраля 1911 г. Цейль повторил свою просьбу. Но КТГГ и на сей раз не удостоила ответом генерала. Любопытно, что Цейль просил удостоить его ответом еще через полтора

года – 30 октября 1912 г. Всесильного Столыпина уже более года не было в живых, позиции МВД ослабели и, видимо, в военном министерстве, где еще тлела надежда на учреждение самостоятельного жандармского надзора в Туркестане, надеялись на то, что Самсонов предложит в указанном вопросе что-либо более новое и “удобоприменимое” по этому поводу. Но генерал от кавалерии Самсонов и на этот раз не ответил.

Закономерно может возникнуть вопрос: почему туркестанский генерал-губернатор Самсонов вел себя в данном случае таким “вызывающим” образом? Может быть, он был очень самоуверенным и надменным, безрассудно смелым и гордым, в связи с чем не желал отвечать на неудобные для него вопросы, даже исходящие от его непосредственного и высокого начальства? Нет, он не был таким. “Ларчик” проблемы открывается проще, чем это можно было предположить. Самсонов, получив вердикт Главного штаба от 30 января 1910 г. о своем проекте учреждения Туркестанского краевого жандармского управления, смог сразу оценить перспективы его реализации, поскольку если вернуться назад и еще раз ознакомиться с содержанием рассматриваемого отзыва Главного штаба, то нетрудно заметить, что генерал Кондратьев соображение Управления генерал-квартирмейстера выдал за мнение непосредственно руководимого им органа – он писал: “По мнению Главного штаба”. А это означало фактически то же самое, что и “по мнению военного министра”.

Нами исследованы сотни “докладных записок” и “докладов” по Главному штабу, в которых выражались те или иные мнения, рекомендуемые им военным министрам для принятия решений или обращения на “Высочайшее” имя. И можно припомнить всего несколько случаев, когда военные министры не соглашались с мнением и рекомендациями своего главного бюрократического “механизма”.

То же самое было характерно для военно-бюрократической системы в Туркестане. Все проекты рождались в недрах КТГГ. По нынешним временам ее штат может показаться “смешным” – около 45 “ответработников”. Сегодня даже в районных администрациях существуют штаты побольше. Но эти 45 человек, по факту, управляли всеми делами огромного края. И очень неплохо это делали, по нашему глубокому убеждению. Один из английских премьеров XIX в. говорил: “Правительства приходят и уходят, а география остается”. Так вот и мы можем сказать: туркестанские генерал-губернаторы приходили и уходили (особенно часто в начале XX в.), а краевая Канцелярия оставалась. Рассматриваемые нами здесь проекты Самсонова готовила именно она, и на всех документах стоя-

ла подпись управляющего Канцелярией (в нашем случае В. Мустафина).

Вердикт Главного штаба от 30 января 1910 г. был глубоко и всесторонне осмыслен ее сотрудниками, после чего Главному начальнику края была представлена соответствующая “докладная записка” по Канцелярии. Результатом ее явилось издание 13 июля 1910 г. Самсоновым циркуляра № 928 “Гг. Военным Губернаторам областей, Начальнику Закаспийской области и Начальникам Жандармско-Полицейских Управлений Средне-Азиатской и Ташкентской железных дорог”, в котором Самсонов расставлял все точки над “i” в вопросе об организации и функционировании органов, призванных обеспечивать политический розыск в крае [9, л. 11–12]. Подробнее мы рассказывали о содержании этого циркуляра во многих наших работах [3, с. 374–376]. А здесь мы позволим себе лишь указать на то, что было бы просто наивно полагать, что после издания этого распоряжения туркестанский генерал-губернатор стал бы отвечать на неоднократные “взывания” начальника Азиатской части Главного штаба генерал-майора Цейля по вопросу, который он считал для себя решенным окончательно и бесповоротно. Поэтому он и не стал этого делать, вплоть до своего ухода с должности, последовавшего летом 1914 г.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что туркестанская краевая военная администрация предпринимала попытки поставить под свой контроль деятельность Туркестанского районного охранного отделения, его филиалов в Верном и Асхабаде, заменить их органом жандармского надзора, подчиненным военному министерству, однако не имела на этом поприще никаких существенных успехов.

Литература

1. См.: Положение об управлении Туркестанского края. Приложение к статье 161-й “Особые правила о порядке производства дознаний по государственным преступлениям в местностях, входящих в состав Туркестанского генерал-губернаторства”. П. 1–5 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 3772.
3. См.: *Литвинов П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе “военно-административного” управления Русским Туркестаном: по архивным, правовым и иным источникам / П.П. Литвинов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007.
4. *Пален.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Краевое управление / Пален. СПб., 1910.
5. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3772. Л. 45.
6. Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году. Ташкент, 1910.
7. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3840.
8. См. напр.: Именной, объявленный в приказе Военного Министра – О правах и обязанностях Начальников Полицейских управлений железных дорог. 16 августа 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42402. С. 903–904; Именной, объявленный в приказе Военного Министра 8 января 1867 г. – Об обязанностях и подчинении жандармско-полицейских управлений железных дорог. 31 декабря 1866 г. // ПСЗРИ-2. Т. 41. Отд. 2. СПб., 1868. № 44071. С. 532; Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об образовании Жандармско-Полицейского Управления Уссурийской железной дороги. 23 марта 1893 г. // ПСЗРИ-3. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1897. № 9446. С. 133; Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром – Об увеличении штата Жандармско-Полицейского Управления Средне-Азиатской железной дорогой. 19 декабря 1901 г. // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20866. С. 1209 и др.
9. АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 82 “б”.